

В России происходит очередная смена политической элиты. События рубежа 2000 г. зафиксировали эту важнейшую тенденцию в общественно-политическом развитии страны. Приход новой элиты – это попытка ответа на вызовы, предъявляемые новым временем – эпохой всеохватывающей глобализации, взаимопроникновения культур, стирания межгосударственных границ, ускоряющегося технологического развития. Россия за последние десять лет, совершив радикальный поворот в своем развитии и сосредоточившись на политическом переустройстве, во многом «проморгала» эти процессы, и сегодня глобализация оборачивается к нам спиной, являясь прежде всего в своих негативных аспектах: прогрессирующем расслоении мирового сообщества, его резкой дифференциации на страны прогрессивного и богатого «ядра» и зависимой, многонаселенной, бедной «периферии».

Сергей АБАКУМОВ,
Председатель Правления
Независимой Ассоциации
«Гражданское общество»,
Председатель Совета Попечителей
Национального Фонда
«Общественное признание»

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:

Россия, зависнув между двумя полюсами современного мира, находится в поиске своего пути: как удержаться в «ядре», как вернуть себе былое значение – если не вершителя судеб планеты, то хотя бы хозяина в собственном доме? Необходима новая стратегия национального развития, новое видение будущего страны, новый общенациональный консенсус по вопросу о целях и путях движения российского общества. Иначе новая элита не сможет устойчиво руководить страной – ее ждут беспрестанная кадровая чехарда, игра без правил, подчинение долгосрочных интересов сиюминутным потребностям, забвение национальных приоритетов в угоду соображениям политической тактики. Это путь в безвременье, в никуда, в «третий мир», куда нас очень многие за рубежом пытались и пытаются вытолкнуть – и, признаем, не без успеха.

**В ПОИСКАХ
НОВОЙ
СТРАТЕГИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Сегодня страна стоит на важнейшем водоразделе. С уходом первого президента России должна уйти в прошлое и российская политическая культура конца века. Эта культура дала немалые плоды – уничтожила тоталитаризм, ограничения на права и свободы, удушающий монополизм одной идеологии. Но это – культура ломки и разрушения, культура деструкции, а не созидания. Не случайно ельцинское правление лишь отчасти расчистило пространство для перенесения на российскую почву западных экономических и политических институтов, сформировало первичные (и весьма жесткие) правила игры – но не смогло ни разработать само, ни поддержать усилия общества нащупать путь выхода страны из глубокого системного кризиса; не создало надежные, самовоспроизводящиеся институты гражданского общества; не смогло показать место России в изменившемся мире; не сумело адаптировать к современным реалиям менталитет большинства россиян, настроить его на «нужную волну», отвечающую потребностям ускоренного экономического и технологического развития.

Все эти проблемы должна решить новая власть, и очень важно, чтобы поиск ответов, рецептов, стратегий велся не в узком мире высококобых аналитиков или даже просто членов «ближнего круга» первых лиц государства. Стратегия и программа действий, если они претендуют на статус национальных (а только такие нам сейчас и нужны), должны стать плодом широкого диалога власти и общества. И далеко не последнюю роль в таком диалоге должен сыграть национальный капитал, «производящий класс» – предприниматели, бизнесмены, промышленники, в чьих руках находится не только значительная часть национального богатства России, но и ключи к ее экономическому процветанию. Тем более, что парламентские выборы, став, по сути, новым – и небезуспешным – походом предпринимателей во власть, дали немало практического материала для осмысления темы принципов и перспектив взаимодействия бизнеса и государства в новой России.

НАСЛЕДИЕ 90-Х

Чтобы понять, перед каким выбором мы сегодня находимся, необходимо определить главные черты тех моделей взаимоотношений, которые мы уже наблюдали в современной российской истории 90-х годов и которые, сменяясь и сосуществуя, продолжают во многом задавать рамки экономической ситуации, а через нее – и нашей с вами повседневной жизни.

Модель социалистическая (командно-административная). Многим аналитикам эта модель кажется отжившей, а влияние ее незначительным. Между тем, не везде еще доминирование рыночных механизмов стало таким как в крупных городах, а система социалистической экономики сохранилась в виде атавизмов на уровне низовых хозяйственных организаций (назвать их «бизнес-структурами», конечно же, невозможно). Соприкасаясь с процессом эрозии механизмов государственного управления, формирования новых общественных институтов, эти атавизмы приобретают уродливые формы. Наиболее заметна административная «отрыжка» во взаимоотношениях власти и бизнеса на провинциальном уровне.

Важнейшим лицом в этой системе продолжает оставаться не предприниматель, не бизнесмен, а «началь-

ник», фактически назначенный сверху руководитель – к примеру, председатель колхоза (как бы ни пытались замаскировать эту должность под название «руководитель агрофирмы», завуалировать системой выборов и т.д.). Соответственно, и тип отношений в этой системе можно назвать «патерналистским»: за все отвечает начальник, он и судья, и руководитель местной милиции (фактически власти), он обеспечивает и каналы связи с региональным руководством. По сути дела, этот «начальник» уже давно стал «хозяином». Но не только хозяином средств производства – это отношение не оспаривается. Он как бы превратился в хозяина местной общины, поскольку его мнение является наиболее авторитетным и механизмы власти сосредоточены в его руках. Добавьте сюда характерное и никуда не исчезнувшее объединение на уровне местных властей мелкого бизнеса и криминала, и вы поймете, что обществу здесь нет места, бизнес и власть просто сращиваются и противостоят обществу.

Модель хаотическая характерна для периода либеральных реформ начала 90-х гг. Пытаясь отвоевать приемлемое место под солнцем, новые бизнес-структуры вели откровенную борьбу за льготы и послабления, которые государство (или чиновники) предоставляли «своим», близким организациям. Главными институтами бизнеса становились многочисленные благотворительные фонды (вспомните пресловутый «Фонд спорта»), которые передавались на откуп нужным людям. Спирт, сигареты – вот основа нового бизнеса. И именно тогда мы впервые сталкиваемся с полномасштабными аферами, с многочисленными финансовыми пирамидами. Именно тогда, «халявщики» (которые сегодня называются «обманутые вкладчики»), а не «партнеры» начали «делать деньги», вкладывая суммы, полученные за продажу квартиры, не в производство, а в бумаги «МММ» или «Хопер-Инвеста», «Властилину», «АВВУ» или «Чару».

Даже так называемые лидеры общественного мнения оказались заложниками этой финансовой горячки, при этом не говоря уже о представителях власти, скандалы с участием которых, посвященные их участию в пирамидах, мы наблюдали несколько лет. Власть негласно подержала систему «новых рантье», поучаствовав в создании системы массового психоза относительно получения легких денег. Власть-предержащие персоны стали влиятельными участниками нового бизнеса, оставив за скобками собственно государственные интересы и не думая о разработке стратегии взаимодействия бизнеса и государства как равноправных партнеров. Бизнесмены же мыслили категориями сиюминутной выгоды, легко отдавая своих «братьев по классу» на растерзание власти и заботясь исключительно о собственном преуспевании.

Модель «олигархическая» возникла в 1995 г. одновременно со схемой залоговых аукционов и «давосским консенсусом» представителей крупного бизнеса, понявших, что необходимо решать две основные задачи: с одной стороны, обеспечить стабильность существующего политического режима на ближайшие годы, а с другой – сформировать такой механизм раздела государственной собственности, который бы позволил фактически за бесценок скупить наиболее привлекательные предприятия. Однако, сумев обеспечить устойчивость власти, крупный бизнес перешел от стратегии «получения у власти благословения на приватизацию ее же собственности», к стратегии «приватизации самой власти», посчитав, что это

гораздо более легкий и дешевый способ получения необходимого. Тогда и появился термин «олигархия», который у древних греков означал политическое устройство, когда во главе страны находятся наиболее богатые граждане. Олигархи не только стали возле власти, они вошли во власть, получив соответствующие должности и атрибуты власти. Сделано это было уже не в рамках консенсуса бизнес-элиты, а в рамках новой стратегии: победитель получает все. Общество оказалось перед фактом: власть – это тоже собственность, и она стремительно приватизируется кучкой близких к президенту сверхкрупных бизнесменов.

Государство же, вместо того, чтобы стать основным инструментом проведения экономической политики на улучшение инвестиционного климата, подъема производства, вдруг просто-напросто «содрало» действующий ранее в форме финансовых пирамид механизм бюджетного пополнения через выпуск ГКО. С одной стороны, это был шаг вперед – потому что если на предыдущем этапе государство через своих чиновников просто играло наравне со всеми (конечно, это простая условность, крупные чиновники вряд ли оказались в числе обманутых вкладчиков и свои деньги вернули) в финансовые игры, то теперь оно перешло на более высокую ступень – стало организатором новой пирамиды. Таким образом, вхождение бизнеса во власть привело к новому отношению власти к бизнесу: власть стала бизнесом и основа экономической системы оказалась простым, вполне знакомым каждому «олигарху» механизмом «МММ».

Итогом всему стал августовский кризис. Несколько крупнейших структур отечественного бизнеса навсегда оказались погребены после него, а оставшиеся вдруг выяснили, что, оказывается, с обществом «надо делиться». Общество оказалось не просто «группой вкладчиков», оно вдруг показало наличие гораздо более сложных социальных связей, ответственность за которые должно нести государство, а соответственно и те люди от бизнеса, которые стали его олицетворять. Было бы наивным предполагать, что и данный период не оставил собственных остатков в виде чиновников средней руки в различных ведомствах, которые сегодня находятся на игле «подпитки» со стороны бывших олигархов или новых бизнес-структур. Коррупция проникла во многие звенья управленческого аппарата.

КОНТУРЫ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Сегодня, когда происходит выработка стратегии развития страны, выбор может быть сделан между двумя основными моделями взаимоотношения власти и бизнеса: моделью «государственно-капиталистической» с развернутой системой патронажа государства над бизнесом и моделью «партнерства», которую вполне можно назвать умеренно либеральной.

Модель государственно-капиталистическая. Несмотря на то, что в чистом виде данная модель так и не получила своего развития, в стране сохраняется шанс, что государственная власть может окончательно подмять под себя бизнес даже формируя полностью подконтрольные общественные организации бизнесменов, не способные отстаивать их реальные интересы. Такого рода процессы происходят в некоторых регионах, и свидетельствуют о чрезвычайно опасной тенденции: власть окончательно становится в оппозицию бизнесу, рассматривая его как одну из сфер своего влияния, со-

вершенно не предусматривая, что роль этой сферы чрезвычайно велика. Общество не заинтересовано в этом пути, поскольку оно опять оказывается в проигрыше – власть и бизнес в таком случае работают сами на себя, модернизирував командно-административную систему. В ней нет места предпринимателям – их заменяют нанятые государством менеджеры или, что гораздо хуже, чиновники.

Будущая модель должна стать моделью партнерства общества, бизнеса и власти. В ее рамках самым важным становится позиция предпринимателей, готовых рассматривать государство не как систему раздачи льгот и патерналистского контроля, а как инструмент социальной организации, работающий под общественным контролем. Такая возможность будет существовать только при наличии соответствующих инструментов влияния бизнеса на власть и общество. Во-первых, это общественные организации предпринимателей, которые сегодня не выполняют все необходимые общественные функции. Во-вторых, это традиционные для Запада лоббистские структуры, главная задача которых – выстраивание моста между властью и бизнесом.

Иногда, как это было на только что прошедших парламентских выборах, этот мост наивно пытаются построить сами бизнесмены, пытающиеся найти свое место в Думе. Хорошо это или плохо? С одной стороны, это хорошо и для власти и для общества, потому что предприниматели могут привнести в политику то, чему они научились в бизнесе – это стиль, умение работать на результат и так далее. С другой стороны – это не лучший итог для бизнеса, потому что люди, уже достигшие в нем определенных результатов, уходят, а на их место становятся представители второго эшелона их компаний. Так мы никогда не получим собственные национальные корпорации. Представьте себе, что Генри Форд через десять лет после создания собственного бизнеса задумал стать членом Конгресса. Вряд ли это помогло бы создать торговую марку, которой гордится Америка. Хотя сегодняшний процесс кооптации бизнес-элиты в политику гораздо более полезен, чем если бы предприниматели просто пытались купить депутатский мандат. Пока же наблюдаем за тем, каковы будут результаты работы представителей бизнеса в новой Думе. Если будут формироваться законы не под себя, не под свой локальный бизнес, а под интересы национальной экономики и общественные нужды, тогда это будет чрезвычайно позитивно для страны.

Сегодня для формирования партнерской модели взаимодействия бизнеса и политики есть все условия. В стране сложился общественный консенсус по вопросу фигуры будущего президента. Большинство избирателей хотели бы видеть на этом посту Владимира Путина. Об этом свидетельствуют как социологические исследования, проводимые среди всех категорий населения, так и опросы в среде предпринимательской элиты. Принесет ли его фигура консенсус обществу и после выборов – во многом зависит от понимания целей и приоритетов национальной жизни, от умения договариваться с различными элитными группами, от способности разработать и согласовать такую модель, которая будет не только приемлемой для всех, но и развернет страну в нужном направлении, придаст ей мощную инерцию роста и развития, сделает ее весомым участником международного сообщества, а не вечным кандидатом в клуб развитых страны.